

Сокоиков Сергей Степанович

кандидат педагогических наук, доцент

Челябинский государственный
институт культуры (Челябинск, Россия)

E-mail: sokovik49@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР В СВЕТЕ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ПОДХОДА

В статье рассматривается феномен культурного трансфера в связи с растущим значением этого явления в современном культурном пространстве. Показан многоаспектный характер культурного трансфера, включающий активность множества участников трансферных процессов, оперирующих в ситуации пересечения линий их взаимодействия. В связи с этим предлагается понятие кросс-трансфера, отражающее особенности функционирования явления. Показано, что многомерность культурного трансфера может быть отражена с достаточной полнотой при использовании контекстуального подхода, адекватно учитывающего сложный характер трансферных процессов. С этих позиций представлены особенности контекстных состояний исходной культуры, институций посредников и принимающей культуры. Обозначено многообразие типов контекстов, отвечающее задачам формирования более полных представлений о процессах и результатах культурных трансферов. Полученные в ходе анализа заявленной проблематики теоретические положения проверялись в контексте более конкретной ситуации трансфера боевых восточных искусств и единоборств. Анализ подтвердил значимость контекстуального подхода: знание и учет контекстов позволяет достичь оптимального уровня раскрытия и использования позитивного потенциала предмета трансфера, избегая в то же время нежелательных последствий.

Ключевые слова: культурный трансфер, кросс-трансфер, сфероид контекстов, исходная культура, институции посредников, принимающая культура, восточные боевые искусства

Для цитирования: Сокоиков С. С. Культурный трансфер в свете контекстуального подхода / С. С. Сокоиков // Вестник культуры и искусств. — 2026. — № 2 (86). — С. 124–138.

Sokovikov Sergey S.Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate professor,Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

E-mail: sokovik49@mail.ru

Cultural Transfer in the Light of Contextual Approach

The article considers the phenomenon of cultural transfer behind the growing importance of this phenomenon in modern cultural space showing cultural transfer multi-aspect character including activities of many participants of the transfer processes operating in the situation of crossing lines of their inter-actions. In this respect the author introduces the notion of cross-transfer which reflects the functioning peculiarities of the phenomenon. He stresses that cultural transfer multi-dimensionality can be fully reflected when using the contextual approach which adequately takes into account complicated character of transfer processes. From these perspectives the author presents the features of the contextual states of the source

culture, intermediary institutions of the host culture. The author also highlights the variety of contextual frameworks to meet the need for forming more comprehensive understandings of the processes and outcomes of cultural transfer. The theoretical provisions obtained during the analysis of the stated issue were tested in the context of a more specific situation: the transfer of Eastern martial arts and martial arts. The analysis underscored the importance of the contextual approach: taking context into account enabled us to fully realize the transfer subject's positive potential while avoiding unintended negative outcomes.

Keywords: cultural transfer, cross transfer, contexts spheroid, source culture, intermediary institutions, host culture, Eastern martial arts

For citing: Sokovikov S. S. 2024. Cultural Transfer in the Light of Contextual Approach. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 2 (86): 124–138. (In Russ.).

Введение

В современном мире процессы глобализации приводят к обострению проблем сохранения собственной культурной идентичности и самобытности. В этом контексте становится особенно важным обращение к проблематике культурного трансфера как неизбежной и неустранимой практики переноса артефактов одной культуры в пространство другой. Возникающие в таких процессах эффекты ощутимо влияют на состояния «принимающей» культуры, порождая разнообразные последствия. Неудивительно, что культурный трансфер как действенный социокультурный механизм привлекает внимание исследователей в различных аспектах. Даже в предельно кратком обозначении следует отметить, что основы подобной проблематики заложены в анализе соотношения концептов «своего» и «чужого», представленном в трудах Э. Беневиста, Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, В. Декомба, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского и др. Особое значение имеют работы авторов, рассматривающих изучение культурного трансфера в рамках специфичных исследовательских подходов (Н. А. Азарова, М. Вернер, В. З. Демьянков, И. Эвен-Зохар, И. В. Зыкова, М. Л. Ковшова, И. В. Силантьев, Э. Пим, Т. Я. Янко, В. В. Фещенко, М. Эспань и др.). В этом смысле одним из наиболее широко представленных направлений выступает изучение процессов трансляции знаний и ценностей посредством лингвокультурного трансфера (В. В. Воробьев, В. Н. Денисенко, С. Ю. Бочавер, О. В. Казаченко, В. И. Карасик, М. И. Киосе, Д. В. Лобачёва, В. Я. Пархомовский, В. И. Постовалова, С. Г. Проскурин, И. С. Рябова, Н. А. Фененко, В. В. Фещенко,

В. Мозер, и др.). Вместе с тем универсальная значимость феномена трансфера предопределяет обращение к нему в различных областях и ситуациях культурной деятельности: в образовании (Р. Коуэн, Д. Филлипс, К. Окс, Т. Одлин, Ж.-Ф. Губе), политике и политической философии (А. И. Юрьев, Д. Доловиц, Д. Марш, Д. Стоун, З. Гасимов, Х. Аксакал), менеджменте (Дж. О. Огбор, Дж. Уильямс), трансферных взаимодействиях между различными сферами культуры (И. В. Силантьев) и др.

Столь широкий тематический разброс затрудняет поиски общих оснований, позволяющих относительно адекватно интерпретировать многие конкретные ситуации культурного трансфера. Особенно ощутимо такие сложности проявляются при оценке заимствований, переносов, проекций в процессах межкультурной коммуникации. Возникают вопросы относительно органичности трансфера для принимающей культуры, полноты и эффективности использования потенциала проецируемого явления, его соответствия новому социокультурному контексту. Учет растущей динамики трансферных процессов, сложности их структуры, а также неоднозначности последствий, не исключающих негативные варианты, приводит исследователей к выводу: для более точного и полного понимания современных культурных трансферов «нужны дополнительные теоретические инструменты» [5, с. 153–154]. Целесообразным путем их поиска видится уточнение характеристик самого концепта культурного трансфера, в ходе чего можно обнаружить дополнительные основания оптимальной интерпретации трансферных процессов. Одним из таких оснований видится контекстуальный

подход, позволяющий рассматривать явления культуры в совокупности условий и факторов их возникновения, существования и развития. Недостаточный учет многомерности контекстных характеристик трансфера приводит к неполноте в понимании этого явления как объекта исследования. Отсюда возникают неточности в оценке его свойств, упущение особенностей генезиса в «аутентичной» культуре, специфичных черт механизма трансляции в принимающую среду, контекстных характеристик этой среды, далеко не всегда однородной. В этих случаях последствием может быть не только неполное использование позитивного потенциала трансфера, но и, по выражению И. Н. Ионова, «разрыв в ткани контекстуальной структуры сообщений», приводящий к их «последовательной дискредитации» как «не представляющих ценности» [Там же, с. 156] или даже вредоносных. Вполне очевидно, что такая погрешность оценочной «оптики» ведет к обеднению среды принимающей трансфер культуры, в определенной мере отдаляя ее от культуры передающей.

Таким образом, **проблемой** исследования является противоречие между значимостью позитивного потенциала объектов культурного трансфера и недостаточной методической инструментированностью его определения и использования. **Целью** работы является обоснование продуктивных возможностей контекстуального подхода к анализу феноменов культурного трансфера. Основными **методами** выступают: концептный анализ, позволяющий выявить в феномене культурного трансфера аспекты, закономерно определяемые совокупностью его контекстов; метод типологизации, показывающий соответствие определенных типов контекстов задачам выявления существенных свойств объекта и процесса культурного трансфера; метод функционально-смыслового анализа текстов, представляющих фактографический ракурс заявленной проблемы; метод экзemplификации, дающий возможность проверки теоретических положений на материалах конкретного явления трансфера.

Многомерность культурного трансфера как основание контекстуального подхода к его исследованиям

В самом общем смысле под культурным трансфером понимается перевод (трансляция) артефакта, возникшего в одной (исходной) культуре в пространство другой (принимающей) культуры. Разумеется, такие процессы свойственны культуре, что называется, испокон веков. Однако в современной ситуации становятся очевидными лавинообразный рост разнообразия культурных «продуктов», усиление динамики пользования ими, включая взаимообмен и интенсивность усвоения «инокультурных» материалов. Если учесть вполне понятную озабоченность сохранением собственной культурной идентичности, целенаправленное обращение к проблематике культурного трансфера, возникшее в 1980-х гг. (М. Эспань, М. Вернер и др.), представляется остро актуальным. Тем более что культурный трансфер неоднозначен и способен обернуться, по выражению И. Н. Ионова, не только «трансляцией культурных ценностей», но и «манипуляцией сознанием реципиента, скрытым оскорблением, вплоть до объявления войны» [Там же, с. 153]. Это обстоятельство заставляет более внимательно относиться к самому определению культурного трансфера (далее — КТ). Так, например, можно встретить такую интерпретацию КТ: «понятие культурного трансфера употребляется для обозначения глобального перемещения слов, образов, идей, концептов, знаний в масштабах глобального мира» [2, с. 17]. Такое определение представляется одновременно и слишком широким, и слишком узким. В нем не учитывается чрезвычайное разнообразие вариантов осуществления КТ: от действительно масштабных, межкультурных, приобретающих в некоторых случаях «глобальное» значение, до локальных трансляций между субкультурами определенного общества внутри одной культуры. Не отмечено важное обстоятельство: в процессе КТ происходит не просто «перемещение», но и определенная трансформация проецируемого объекта в ус-

ловиях новой культурной среды. Кроме того, помимо названных «слов, образов, идей, концептов, знаний», предметом проекции могут стать более опредмеченные артефакты, воплощенные в деятельности или материальной форме и, разумеется, выражающие специфические ценности и смыслы.

Представляется более точным мнение Д. В. Лобачевой о методологическом значении концепта КТ, связанном с характеристиками «исходной историко-культурной ситуации, условий, путей и форм передачи культурных элементов, артефактов культуры» [10, с. 24]. В то же время вряд ли можно согласиться с утверждением о возможности полной утраты проецируемыми в ходе КТ артефактами своих первоначальных функций, оказавшихся «чужеродными» для принимающей культуры [Там же, с. 24–25]. В этом случае речь может идти не о КТ, а о формальном заимствовании внешних черт какого-либо явления без проекции его сущностного содержания. Более убедительна, на наш взгляд, позиция немецкого исследователя Х.-Ю. Люзебринка, с достаточными основаниями полагающего, что сами формы культурного трансфера могут быть идентифицированы только тогда, когда существуют сопоставимые явления. В ходе КТ они опосредуются, передаются и часто модифицируются в большей или меньшей степени, но одновременно демонстрируют по крайней мере схожую структуру в своих основных характеристиках. Вместе с тем Люзебринк учитывает неизбежность определенных трансформаций артефакта как предмета КТ в пространстве принимающей культуры, порождающих «различные формы асимметрии» [16, с. 144]. Аналогичные аспекты КТ отмечает Х. Миттербауэр, выделяющая сущностное для принимающей культуры значение способов отбора, продуктивного восприятия и присвоения в процессах творческой адаптации исходных материалов КТ [18, с. 23].

Динамика и многоаспектность отмеченных Люзебринком модификаций, возникающих в ходе КТ, приводит к множественности «интерпретаций событий культурного обмена в процессе взаимодействия с материалом <...> в разных его проявлениях» [5, с. 154], причем интерпретаций далеко не всегда согласую-

щихся, вплоть до оценочной противоречивости. Один из авторов концепции культурного трансфера М. Эспань подчеркивает: перевод в ходе КТ транслируемого сообщения с кода передающей системы на код системы воспринимающей осязательным образом трансформирует проецируемый объект. Причем даже при условии аналогичной значимости объекта в обеих системах его герменевтическая интерпретация представляет существенную сложность, поскольку «речь идет об интерпретации чужого объекта, его интеграции в иную референциальную систему <...> Иными словами, речь идет о переводе» [15, с. 60]. В этом смысле уместно привести точное суждение Х.-Г. Гадамера о многомерности такого процесса. По мысли философа, подобный «культурный перевод» «основан на его способности превращать чужое в свое собственное, не просто критически преодолевая чужое или некритически его воспроизводя, а истолковывая чужое в своих понятиях и в своем горизонте и тем самым по-новому демонстрируя его значимость. Благодаря переводу, утверждающему истинные моменты другого в противовес себе, чужое и собственное сливаются в новом облике» [1, с. 71]. Тем самым органичное усвоение инокультурного предполагает сложную траекторию трансформационных процессов.

Многомерность КТ усиливается в силу действия особого свойства: несводимости трансфера к бинарной оппозиции «культуры-продюцента» и «культуры-респондента». Как отмечает один из создателей теории КТ М. Эспань, в ситуации культурного трансфера «адресат и адресант не находятся в вакууме, за ними наблюдают третьи лица, которые могут зачастую фигурировать и в самом сообщении» [15, с. 60]. Однако даже в случаях подобных «триангулярных» конфигураций процесс трансфера нередко представляется в виде совокупности линейно последовательных актов. Вместе с тем в реальности, как, например, отмечает И. Н. Ионов, происходит иное: «движение идет обычно между несколькими точками в целом ряде направлений (ре-трансфер), в сложной временной последовательности», образуя «мозаичное поле согласования и продуктивного взаимодействия» [4, с. 31]. То

есть возникает существенно более сложная деятельностная конструкция с участием некоторого множества акторов разного характера, которую можно обозначить как «кросс-трансфер». На подобную многоакторность указывает М. Мидделл, подчеркивающий опасность игнорирования сложности механизма КТ и возрастающую роль чувствительности исследователей к «переплетениям» факторов и участников трансферных процессов как основы их анализа, что, по мнению Мидделла, учитывается недостаточно [17]. Представления о «пересечениях» деятельности акторов в ходе культурного трансфера отчетливо совпадают с теорией «перекрестной истории» (*histoire croisée*) М. Вернера и Б. Циммерманн. Анализируя эту концепцию, И. Н. Ионов особо акцентирует акционалистский, деятельностный характер интерпретации культуры. Именно активность вступающих в перекрестное взаимодействие субъектов образует «пучки отношений» (*bundles of relationships*), то есть многоаспектные взаимосвязанные процессы. Они, создавая сложные контексты, обеспечивают в ходе трансфера трансляцию смыслов и актуализируют «различные “модусы вписания”» через «совокупность образов, подобную мозаике или калейдоскопу» [4, с. 29].

Особенно важно то, что при анализе процессов КТ исследователю приходится «дистанцироваться от единственно “научной” точки зрения, от доминирования одного понятийного аппарата над другим» [Там же, с. 27] уже в силу разнородности контекстов, представляющих специфичность исходной и принимающей культуры, а также опосредующих КТ передающих инстанций. Возникает ситуация многостороннего диалога «между разными референтами: объектами, концептами, точками зрения» [Там же, с. 32]. Поэтому в ситуации исследований кросс-трансфера представляется уместным обратиться к транзитивной методологии, можно полагать, оптимально соответствующей многомерной природе самого явления. Этому способствуют принципы транзитивной методологии, сосредоточенной в большей мере на динамике процессов: способность соединять разнородные артефакты и концепты в общей сети исследования; относительность разли-

чий, непродуктивность сведения анализа к бинарным оппозициям и выстраивание более сложной конструкции представлений; развитие анализа во времени и пространстве для выявления связей между разнородными элементами, включенными в поле внимания, и установления точек их соединения; учет изменений, привносимых в общую исследовательскую модель качественным вкладом каждого из разнородных элементов, ситуативно входящих в ситуации их «пересечений». Способом выяснения содержательных и функциональных характеристик такого сложного явления, каким предстает КТ, выступает анализ контекстов, связанных с обстоятельствами формирования предпосылок трансфера, процессами трансляции, условиями восприятия объекта КТ в принимающей культуре и результирующими социокультурными эффектами.

Полнота анализа обеспечивается обращением к множеству контекстов, представляющих объект изучения (в нашем случае — культурный трансфер) в совокупности его пространственно-временных, действенных и смысловых ракурсов. Следует обратить внимание на разнобразие контекстов, «охватывающее» объект достаточно целостно и емко, и в то же время позволяющее дать развернутую картину динамики его характеристик. В результате возникает модель исследуемого объекта, увиденного в спектре различных контекстов, в совокупности образующих своеобразный поликонтекстуальный сфероид. По сути, поликонтекстуальность выступает ключевым фактором в транзитивной методологии исследований культурных явлений [14, с. 83–84], объемно представленных в «сети» контекстов разного типа, уровня и характера: метасистемного и субсистемного, структурного и процессуального, монокультурного и кросс-культурного, исторического и актуально-ситуативного, индивидуально-личностного и общегруппового, диахронного и синхронного, эксплицитного и имплицитного и т. д. [13, с. 128–129]. В нашем случае из этого множества целесообразно выделить те контексты, которые непосредственным образом связаны со свойствами КТ и соответствуют естественной логике развертывания трансферных процессов. Чаще всего исследуются ситуации

трансфера, возникающие в межкультурных взаимодействиях. Однако стоит обратить внимание на внутреннюю «трансферность», присущую явлениям, возникающим в «исходной» культуре и затем уже становящимся предметом «переноса» в культуру принимающую. По точному замечанию Х. Миттербауэр, культурный трансфер охватывает как межкультурные, так и внутрикультурные взаимодействия, что делает необходимым изучение объектов, практик, текстов и дискурсов, заимствуемых из исходной культуры [18, s. 23]. Причем объекты, существующие внутри исходной культуры, также возникают, по словам М. Эспаня, «при переходе от одного контекста к другому внутри единого культурного пространства» [15, с. 60].

Специфичность такой контекстной ситуации характеризует В. Д. Земсков: «оба контекста, исходный и воспринимающий, еще до всякого трансфера уже были “гибридными”», следовательно, любое исходное «этническое, национальное культурное образование есть результат предыдущих скрещиваний (первичных, вторичных и т. д.) различных культур» [3, с. 83–84]. Важно отметить: явление, транслируемое в ходе КТ, содержит (пусть в «снятом», латентном виде) гетерогенные элементы, участвовавшие в контексте его формирования в исходной культуре, сохраняя следы «предыдущих скрещиваний и трансформаций» [Там же, с. 84]. Это создает потенциальную возможность актуализации таких элементов в контексте принимающей культуры в зависимости от конкретных ситуаций восприятия. В таком случае оценка значения эффектов подобной актуализации неизбежно потребует обращения к контекстам возникновения явления в исходной культурной среде с тем, чтобы сопоставить их с потребностями, запросами и условиями принимающей стороны. Последние, в свою очередь, образуют совокупность контекстов, определяющих процессы КТ. М. Эспань подчеркивает: «Именно конъюнктура (потребности) пространства, в котором происходит усвоение чужого, определяет то, что вообще может быть заимствовано, или даже то, что <...> может быть реактивировано, дабы послужить в дальнейшем злобе дня» [15, с. 64]. Существенные в этом смысле аспекты выделяет

М. Мидделл, акцентируя не просто потребности, а наличие определенного дефицита в принимающей культуре, оценку такого дефицита в контексте культурного восприятия и усвоения артефактов, существующих в инокультурном контексте, а также интеграцию этих артефактов «в существующие модели контекста присвоения» [17].

Особым и достаточно сложным контекстуальным полем предстает деятельность посредников, — индивидуальных субъектов и институций, непосредственным образом выполняющих в ситуации КТ передаточную функцию, в обозначении М. Мидделла, между культурами А (исходной) и В (принимающей). В этом смысле Мидделл говорит о (само)мобилизации субъектов (часто занимающих промежуточную позицию, связанную с контекстами А и В), которые в силу своей биографии, профессии или культурного положения оказываются предопределенными для обеспечения оптимального перевода в ходе восприятия/апроприации инокультурного артефакта. При этом, как уточняет Мидделл, подобные посредники-переводчики, «центральные действующие лица» [Ibid.], различают два разных контекста культурных элементов (А и В), между которыми они иницируют или опосредуют присвоение и адаптацию. В этих процессах знакомое и чужеродное взаимно формируют друг друга, оставаясь в то же время различимыми, образуя тем самым неоднородные культурные локусы с различными пространственными порядками, форматами, масштабами территориализации, сетями и «специальными зонами», порталами и коридорами [Ibid.]. Становится ясно: для того, чтобы в таких контекстуально многозначных условиях «дифференцированно описывать социальные и культурные взаимодействия посредников» [18, s. 23], следует точно установить тип и характер контекстов, соответствующих каждому сегменту конкретной ситуации КТ. Так, например, М. Эспань настаивает на необходимости учитывать принадлежность «посредника-переводчика» к определенной социально-культурной группе для того, чтобы точнее понимать особенности интерпретации посредником исходного артефакта («горизонта оригинала») и

перекодировки его на «язык» принимающей культуры [15, с. 61]. На этом примере стоит отметить внутреннюю взаимосвязь «сфероидов контекстов» в целом: для продуктивного анализа КТ необходимо получить предметное представление о содержании и «контекста оригинала», и «контекста перевода/переводчика», и «контекста принимающей культуры». А если учесть разнообразие типов посредников-переводчиков (отдельные лица и группы, профессионалы и «любители», официальные системы и неформальные субкультуры и т. д.), картина, образуемая «сетью» контекстов только в этом сегменте КТ, предстает достаточно сложной. Однако это не искусственное переусложнение ситуации КТ: — выделение и анализ определенного контекста всякий раз обусловлены решением конкретной исследовательской задачи.

Конкретность задачи и определенность контекста в данном случае требуют пояснения. Нередко встречаются суждения, согласно которым контексты конструируются, моделируются и т. п. В таком представлении сама контекстуальность порождается использованием эпистемологических схем, задаваемых исследователем, который сам «устанавливает и обосновывает искомый контекст», в силу чего «учет контекста означает смещение исследовательского фокуса с предметно-фактического мира на мир возможностей и тенденций» [2, с. 19]. На наш взгляд, такое утверждение вряд ли можно считать достаточно основательным. Разумеется, исследователь формирует (конструирует) обобщенные модели контекстов изучаемого явления в качестве методического инструментария. Однако «строительным материалом» для подобных конструкций выступают реально существующие контексты (условия, состояния, факторы) среды социокультурного явления, определяющие его действительные свойства и характеристики. Степень предметной выраженности таких контекстов различна; в некоторых случаях для их выявления требуются специальные процедуры, не отменяющие при этом факт реального наличия самих контекстов.

Изложенные выше положения целесообразно рассмотреть на материалах более конкретного примера КТ. Вполне репрезента-

тивным в этом смысле представляется случай трансфера восточных боевых искусств.

Контекстные аспекты культурного трансфера восточных боевых искусств

Обстоятельный анализ распространения посредством КТ восточных боевых искусств и единоборств (далее — ВБИ) представлен в работах А. М. Козлова [6], А. Е. Куланова [8], Ц. Ли и А. А. Передельского [9], О. И. Селиванова [12] и др. Раскрывая многие аспекты культурной трансляции этих явлений, авторы показывают специфику их содержания, значение в исходной и принимающей культурах, опираясь на широкий круг материалов фактографического характера. Учитывая отмеченный выше многомерный характер «сфероидов контекстов» любого социокультурного явления и процесса, в данной статье не ставится задача кросс-текстуального анализа указанных работ. При этом целью остается выявление и констатация именно контекстных обстоятельств, связанных с трансфером ВБИ, имея в виду то, что в каждом тексте контекстуальность явления представлена различным образом.

В статье А. М. Козлова «Начало распространения и развития восточных боевых искусств в Европе и мире» само зарождение возможности трансфера ВБИ связывается с внутрикультурными социально политическими контекстами в восточных регионах. В Японии роль такого фактора сыграла буржуазно-демократическая революция Мэйдзи 1868–1889 гг. В контексте курса на открытость к резким обновлениям и модернизации важнейших продуцирующих сфер социокультурного уклада происходит упразднение значительной части кланово-феодалных привилегий самурайства. Многие представители этого сословия переехали в страны Старого и Нового света, выступая там инициаторами первого знакомства с ВБИ в этих территориях. Однако функциональная направленность ВБИ вкупе с экзотичностью техник в свою очередь определила особый (специализированно-локусный) контекст их восприятия в принимающих культурах: ВБИ вызвали «повышенный интерес спецслужб Германии, Франции, Италии, Австрии, Бельгии,

Голландии, Швейцарии и других стран» [6, с. 136]. В начале XX в. ситуация кардинально меняется: неожиданно для мира Япония, стереотипно воспринимавшаяся как традициональная страна со средневековым укладом, предстаёт мощной империалистической державой, способной сокрушить Китай и Россию. Такой «шоковый» эффект порождает волну вполне понятного и предметного интереса к истокам боевого духа японцев, их «презрению к смерти, фанатичной смелости и удивительной физической подготовке» [Там же]. Влиятельность тогдашних СМИ играет роль действенного коммуникативного контекста, благодаря которому возникает не только интерес к ВБИ, но и своеобразная мода на них в транс-культурном масштабе, охватившем Париж, Лондон, Берлин, Рим, Вену, Москву и Петербург. Но вскоре такая волна интереса резко пошла на спад в связи с гораздо более действенными контекстами: перипетиями Первой мировой войны и революционными трансформациями в России.

Возрождение интереса к ВБИ после Второй мировой войны было связано с метакультурными контекстами, обусловленными социально-политическими обстоятельствами и ростом коммуникативной динамики. Первыми импульсами послужили сведения о дзю-до и карате, которые транслировали возвращавшиеся в 1947-1949-х гг. в США военнослужащие, сумевшие в Японии ознакомиться с основами ВБИ. Несколько позже аналогичная ситуация сложилась с корейским тхэквондо. Разумеется, это происходило в локальных, «точечных» контекстах, но в соответствии с принципами руморологии (науки о слухах) такие сведения постепенно распространялись, готовя почву к возникновению так называемого прецедентного контекста — событийной ситуации, обладающей сильной степенью воздействия и порождающей масштабные и относительно устойчивые последствия. К таковым следует отнести серию показательных выступлений выдающихся мастеров ВБИ за пределами Японии в 1950-х гг., произведших сильнейшее впечатление. Так, основатель стиля «кёкусинкай Будо-каратэ» Масутацу Ояма провел в 1952 г. в США около 200 показательных выступлений и 50 поединков, совершив турне, которое А. М. Козлов называет «сенсационным» и «три-

умфальным» [Там же, с. 137]. Вскоре после турне последовали публикации множества текстов М. Оямы, популяризирующих технические и психологические аспекты ВБИ. Эти тексты были переведены на многие языки мира, издавались и переиздавались значительными тиражами, формируя мощный информационный контекст.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет иной контекстуальный ракурс, отчетливо демонстрирующий ситуацию кросс-трансфера в межкультурных ракурсах его осуществления. В изложении своих взглядов на сущность современных ВБИ М. Ояма прямым образом усматривает их корни в индийской культуре, связывая их не столько с техникой схватки, сколько апеллируя к духовно-нравственным аспектам индийских боевых искусств, основанных в свою очередь на философии и практиках йоги. Вместе с тем существенное место в изысканиях М. Оямы занимает Китай с его методиками психофизиологической саморегуляции, вооружающими человека, исповедующего ВБИ, способностями управления своим духовно-психическим состоянием и мгновенной мобилизации внутренних ресурсов для решения самых сложных задач. Непосредственные истоки выработки и совершенствования подобных способностей М. Ояма усматривает в даосских и дзэн-буддийских традициях. Кроме того, в это пересечение кросс-трансферных линий включаются мотивы самобытной традиционной корейской системы единоборств Чхарёк, также связанной в происхождении с йогой и буддийскими практиками. В этом случае М. Ояма выступает проводником-транслятором в трансфере корейской культуры, что не удивительно, ведь Корея — его родина. Даже в таком предельно кратком изложении становится ясным существенное свойство кросс-трансфера — обращение к контекстам, разным по происхождению, по особенностям духовных основ и культурных практик, использование их пересечений для формирования «точек», создающих основу целостного сложного явления, которое и служит далее предметом КТ. Однако, как уже было отмечено, элементы, участвовавшие в кросс-трансфере, сохраняют свой специфичный потенциал и могут быть ситуативно актуализированы, отвечая контекстным усло-

виям принимающей культуры.

Особенности культурного кросс-трансфера А. М. Козлов демонстрирует на примере «легендарного» Брюса Ли (Ли Чаньфана). В том числе подчеркивается межкультурное значение его деятельности, специфичным образом соединившей нравственно-этические духовные импульсы Востока, воплощаемые в виртуозных техниках, с рационально-прагматичными практиками Запада, ориентированными на здравый смысл и практический эффект. Еще у себя на родине, в Гонконге, Ли брал уроки у основателя южно-китайского стиля юн-чун (вин-чунь) Ип Мана, который учил не только изощренной технике боя, но и духовно-нравственным основам единоборств. Переехав в США, Ли достаточно быстро сделал кинокарьеру, которую успешно продолжил, вернувшись в Гонконг. Воплощая в кино яркий образ бойца ВБИ, Брюс Ли тем самым представал эффективным «проводником» этих явлений в контексте массовой культуры поистине глобального масштаба. Однако в смысле феномена кросс-трансфера особое значение имеет содержание такой трансляции. Создавая свою систему ВБИ, Брюс Ли «внимательно изучал всю доступную литературу по у-шу (восточные боевые искусства), исследовал различные стили каратэ-до, французскую борьбу сават, тайский бокс, английский бокс и т. д., выбирая из них самое ценное, эффективное, что улучшало мастерство», воплощая в то же время «философию жизни, способ совершенствования духа, ума и тела» [Там же, с. 139]. В итоге в таком многоконтекстном пересечении был сформирован «джиткундо» — авторский вариант кунг-фу, который Брюс Ли совершенствовал на протяжении всей жизни. При этом упомянутая разнородность среды принимающей культуры, включающая контексты разного характера, показывает примеры частичного, сегментного усвоения содержания трансфера. Так, клиентами организованной Брюсом Ли школы ВБИ в США были главным образом голливудские актеры, «желавшие заниматься экзотическими видами спорта для поддержания хорошей спортивной формы» [Там же], а не восприятием духовных аспектов ВБИ.

Широкий спектр контекстов восприятия японских ВБИ отечественной культурой представлен в материале специалиста по российско-японским межкультурным связям А. Е. Куланова [8]. В том числе автор отмечает взаимосвязь социально-политических факторов с духовно-нравственными контекстами. Уже в первых работах российских исследователей (Л. А. Богословского, Е. Г. Спальвина, Н. П. Мацокина), посвященных теме «желтой опасности» и связанных ростом военной мощи и империалистических притязаний Японии в начале XX в., боевой дух Бусидо рассматривался «в тесной связи с традиционными японскими культами и духовными началами, прежде всего, с синто, дзэн-буддизмом и неоконфуцианством» [Там же, с. 129]. По мнению А. Е. Куланова, эти работы не утратили своей актуальности и поныне, поскольку раскрывают «глубинные основы морали, этики, религиозности в боевых искусствах» [Там же, с. 131]. Примечательно, что в соответствии с кросс-трансферным принципом в процессе КТ ВБИ приняли живейшее участие и «третьи лица» [15, с. 60], в том числе так называемые англоязычные «буфер-пропагандисты», разъяснявшие суть японских явлений иностранцам, например, Лафкадио Херн, повествовавший о джиу-джицу как воплощении японского духа. В итоге сложился определенный смысловой контекст: успехи Японии основаны на самурайском духе Бусидо, в котором важнейшую роль играют Будо — боевые искусства вкупе с медитативными практиками, икэбаной, игрой го, искусством каллиграфии сёдо и т. д. [8, с. 130]. Трудно не заметить, что даже в этом образ ВБИ представляет пересечение весьма специфичных контекстов, каждый из которых по-своему ценен в этом целостном явлении.

Если в начале XX века сведения о ВБИ в России циркулировали в узком кругу специалистов, то события русско-японской войны 1904–1905 гг. привели к резкому всплеску интереса: эти темы возникают в массовой печати, появляется «поток учителей и учебной литературы, в т. ч. переводов японских трудов по джиу-джицу и дзюдо (Х. Кацукума, Ю. Тани, К. Асикага, А. Сумитомо)» [Там же, с. 132], переиздающихся и сегодня. Однако в 1930-х

гг. отношения между СССР и Японией обостряются, в связи с чем оценка ВБИ рассматривается в контексте «гнилой самурайской морали японского милитаризма» [Там же, с. 133], существенно трансформирующем сам образ японских боевых искусств. С 1937 г. в СССР начинается почти 30-летний период забвения Будо. Только с изменениями в социально-политической и культурно-коммуникативной сферах в СССР 1960-1970-х гг. интерес к ВБИ вновь возрождается и становится заметной культурной темой. В качестве симптоматического факта можно отметить успех фильма «Гений дзюдо», снятого по сценарию «прогрессивного» кинематографиста Акиры Куросавы и вышедшего в советском прокате в 1967 г. Причем, как отмечает А. Е. Куланов, в фильме «морально-этические нормы, характерные для Кодокан дзюдо, объяснялись открыто, популярно» [Там же, с. 135], превращая это из некогда экзотически-запретного в благородное и привлекательное.

К тому же играет роль и новый контекст, формируемый послевоенной серией международных туров японских мастеров ВБИ — второй на протяжении XX в. Такая серия была частью японской культурной политики по массовому продвижению Будо и в стране, и в международных масштабах. В этом в том числе проявился особый уровень зрелости и «перенасыщенности» собственного контекста японской культуры, обнаружившей дополнительный потенциал для участия в межкультурных взаимодействиях и «способность к иррадиации своих идей» [3, с. 84]. В этом смысле трансфер ВБИ в культурное пространство СССР соединил контексты «внутренней тяги советских людей к “идеальной” восточной культуре» и модераторской деятельности «японских “буферов-пропагандистов” и имиджмейкеров» [8, с. 136–137]. Вместе с тем, как подчеркивает А. Е. Куланов, создатели первых школ карате в СССР отчасти интуитивно, отчасти через спорадические контакты с японскими мастерами ВБИ, «верно определили нравственно-этическую базу <...> Будо — синто, буддизм и конфуцианство» [Там же, с. 137]. Однако особый интерес в аспектах нашей темы представляет роль личностного фактора в формировании различных контекстов в общем процессе трансфера ВБИ. Так, благодаря

влиятельности авторитетного депутата парламента Судзуки Мунэо, страстного поклонника сумо, японские институты активно пропагандировали в России этот вид единоборств. С приходом на пост премьер-министра Японии Хасимото Рютаро, мастера кэндо, начинается более интенсивное развитие в России этого искусства фехтования на мече. Как только главой правительства РФ становится любитель айкидо С. В. Кириенко, этот вид единоборств незамедлительно получает информационную и организационную поддержку и т. д. Таким образом, контекст, образуемый влиятельностью определенной личности, выступает особым модусом в трансферных процессах.

На различные типы контекстов, связанных с ВБИ как в исходной, так и в принимающей культурах, обращает внимание О. И. Селиванов. Он выделяет два типа организации освоения ВБИ, различающихся по характеру мотивации: «школы» и «дворы боевых искусств». В «школах», возникавших по модели даосских сект, буддийских общин или традиционной восточной семьи, ВБИ понимались в первую очередь как духовно значимое явление, а обучению боевым техникам придавалось культурно ценностное содержание. Задачами «дворов боевых искусств» являлось освоение технических приемов в сугубо прагматических целях: поддержания физической формы, оздоровления, самообороны. Такие контексты сложились в исходной среде, это же соотношение воспроизводится и в принимающей культуре: в одних случаях воспроизводится практически применяемая техническая сторона единоборств, в других — воспринимаются содержащиеся в боевых искусствах духовно-нравственные аспекты, транслирующие традиции «школ», а не «дворов». И хотя О. И. Селиванов справедливо полагает, что «оценить процентное соотношение адептов внешней и внутренней мотивации вряд ли в принципе возможно» [12, с. 100], важно отчетливо понимать, что именно из подобного соотношения выступает содержанием трансфера в конкретных ситуативных контекстах.

Одним из существенных факторов динамики ситуативных обстоятельств выступает традиционализация воспринимаемых материалов в контексте принимающей культуры. То

есть в этом случае заимствованные элементы присваиваются и становятся «органической частью собственной культурной традиции» [Там же, с. 97]. Причем стоит отметить, что такие процессы чаще всего происходят именно в «формате» кросс-трансфера. Отчетливым примером может служить формирование традиций китайских боевых искусств, возникающих путем гибридизации, а далее — синтеза буддийского мировоззрения, даосизма и конфуцианства. Показательна также ситуация с карате: возникшее как боевое искусство Окинавы на основе китайских воинских искусств, оно воспринимается в качестве японской традиции, хотя карате появляется в Японии только в конце XIX в., а популярность обретает в XX в. Еще более рельефно ситуация межконтекстуальных взаимодействий предстает в приводимой О. И. Селивановым ситуации взаимодействия религиозно-философских установок Востока и социально-этических аспектов западных культур. Так, например, отмечается, что традиционно присущий восточным культурам принцип ненасилия в ходе КТ несколько трансформируется в силу действия «иного, нежели в восточной традиции, понимания ценности индивидуальной жизни, основанного на традиции авраамических религий» [Там же]. В этом отчетливо видится значимость межконтекстуальных воздействий, определяющих содержательные аспекты ВБИ в трансферных процессах.

То же обстоятельство, но в диахронных ракурсах, представлено в статье Ли Цзячена и А. А. Передельского [9]. Авторы обращают внимание на специфичность историко-религиозных контекстов возникновения боевых искусств в разных культурных регионах. Ключевым фактором выступает складывание в Европе и странах Дальнего Востока христианства и буддизма как мировых религий. Важным элементом христианского вероучения и культа является молитва и иные культовые элементы, никоим образом не связанные с боевыми искусствами и единоборствами, тогда как в медитативных практиках дзен-буддизма элементы ВБИ органичным образом включались в телесно-двигательные формы культа, обретая духовно сакральную трактовку и в то

же время давая основу формирования ВБИ в их самостоятельном значении. Другим контекстуально значимым обстоятельством явилось развитие военного дела на Западе. Так, появление огнестрельной техники существенно сузило значение принципа единоборств, обретших «частное, узкокорпоративное и элитное социально-групповое существование» [Там же]. События Нового и Новейшего времени сформировали особый культурно-коммуникативный контекст, включая рост интенсивности межкультурных взаимодействий. В сложившейся ситуации, как пишут Ц. Ли и А. А. Передельский, этим воспользовались «мастера восточных боевых искусств и военно-прикладных единоборств, школы которых, вновь основанные уже на новых местах, быстро заняли относительно свободную нишу» [Там же] в пространствах других культур. Этим в том числе объясняется значительное влияние восточных традиций ВБИ на процессы их современной спортизации. Однако, как считают авторы, условия «западной» спортивно-видовой культуры ведут к искажению реальной сущности ВБИ, заложенной «в религиозно-игровом контексте соревновательной практики» [Там же]. Такое мнение не совпадает с позицией М. Эспаня, утверждающего неправомерность применения к КТ понятия «искажения» оригинала. Эспань подчеркивает неизбежность реинтерпретации в ходе трансфера: когда какие-либо явления «пересекают границу между двумя культурными пространствами <...>, то их значение, определяемое контекстом, трансформируется уже от одного только этого перехода» [15, с. 71–72]. При этом «Какой бы уродующей, полной искажений ни показалась бы эта интерпретация <...>, с точки зрения трансфера она совершенно законна» [Там же, с. 60–61].

Можно полагать, что между означенными выше позициями нет противоречия. Следует, на наш взгляд, вновь вернуться к тезису о разнородности среды принимающей культуры, порождающей в силу этого разнообразные контексты, в которых транслируемое явление получает существенно различные интерпретации. Трансфер ВБИ служит тому отчетливым примером. Помимо уже отмеченной Ц. Ли и А. А. Передельским спортизации, приводящей,

по мнению авторов, к ощутимой утрате ВБИ присущих им традиционных духовно-религиозных элементов, можно привести пример восприятия ВБИ в контексте российской православной культуры, также внутренне включающей разные контекстуальные основания оценки явления. Вполне красноречивой в этом смысле выглядит точка зрения А. Р. Комлева, немало времени (около 15 лет) посвятившего практическому изучению ВБИ, но затем занявшего по отношению к ним резко критическую позицию [7]. В кратком изложении она такова: ВБИ есть «припудренная мистикой и оккультизмом» чуждая россиянам философия; ВБИ содержат инструменты, которые коварно используют служащие нечистому бесы, чтобы проникать в сознание, сердца и души русских людей с целью их повреждения; к таким инструментам (орудиям) относятся дыхательные упражнения, практики медитации, релаксация и пр.; даже этикетное правило поклонов в ВБИ есть искушение и соблазн для православного человека. В итоге ВБИ, по выражению Комлева, представляют собой «бинарное оружие, <...> мгновенно убивающее отравляющее вещество» [Там же]. Поэтому были бы тщетны попытки найти в ВБИ (помимо технических приемов) какие-либо позитивные духовные смыслы. Они, по мнению автора, содержатся исключительно в Библии, содержащей «ответы абсолютно на все вопросы, которые в духовном плане могут будоражить <...> человека, занимающегося боевыми искусствами» [Там же]. Как быть в таком случае людям, обращаясь к ВБИ, но исповедующим буддизм, индуизм, ислам или иные религии, а также атеистам, А. Р. Комлев не уточняет.

В этом смысле примечательна точка зрения В. Р. Никонова, тоже православного человека, посвятившего занятиям ВБИ более 20 лет. Рассматривая утверждения А. Р. Комлева, В. Р. Никонов объясняет его резко критическую позицию возникновением в православной среде мифологизированных образов ВБИ, содержащих неверные представления о вредности и опасности занятий боевыми искусствами Востока. Даже само прекращение Комлевым таких занятий Никонов расценивает как незнание «своего Назначения от Бога», подчеркивая,

что сам Никонов «за время занятий боевыми искусствами научился Многому и благодарен Мастерам» [11] таких искусств, оставаясь в то же время в лоне православного мировоззрения. Вполне понятно, что столь разноречивые представления о сути ВБИ проистекают от различия оценочных контекстов, возникающих даже в пределах, казалось бы, общего мировидения и связанных с ним культурных практик. В наши задачи не входит детальный разбор конкретных контекстов, связанных с трансфером ВБИ, важнее другое. Контекстуальный подход дает возможность обнаружения погрешностей, возникающих в процессах культурного трансфера. Речь в этом случае идет об ошибках во взаимодействии культур, осуществляемом без учета контекстов или их неточном «прочтении», неупорядоченной, бессистемной работе с контекстами, приводящей к их разрывам и «недобросовестной полемике» [2, с. 19].

И. Н. Ионов квалифицирует такие ситуации как «трансконтекстуальный синдром», затрудняющий точное определение контекста трансферного сообщения в его позитивном потенциале и порождающий неправомерно негативное отношение вплоть до «теорий заговора» [5, с. 156]. Исходя из этого, вполне логичным продолжением может быть дискредитация содержания трансфера, способная, по словам М. Мидделла, перерасти в моральную панику, например, из опасений относительно сохранности традиционного суверенитета или «основополагающих» духовных устоев, что Мидделл именует «методологическим национализмом» [17]. Парадокс, однако, в том, что основным стимулом КТ выступают в первую очередь названные Д. В. Лобачевой «дефициты» воспринимающей культуры [10, с. 25] или, по выражению М. Эспаня, «конъюнктура (потребности) пространства, в котором происходит усвоение чужого» [15, с. 64]. Напомним, само это усвоение предваряется выявлением в инокультурном контексте возможных объектов и моделей, подходящих для устранения «дефицита» [17]. Таким образом, если осознанный «дефицит» действительно нуждается в ликвидации, принимающая культура вряд ли может быть заподозренной в «самовредительстве» посредством деструктивного для нее КТ, иначе она недее-

способна в принципе. Другое дело, что контекстуальный подход как системный инструмент получения полной картины трансферных процессов и их социокультурных эффектов необходимо использовать при оценке «дефицита», при компетентном выборе предмета трансфера, при корректной регуляции посреднических механизмов, при грамотном учете имеющихся и выстраивании новых контекстов, способных обеспечить полноценный позитивный трансфер.

Заключение

Таким образом, культурный трансфер представляет собой сложный процесс переноса явления из одной культурной среды в другую. Исходным импульсом трансфера выступает осознание некоторого «дефицита», в силу чего культура находит оптимальный выход его компенсации путем заимствования и адаптации инокультурного материала. Другим аспектом выступает «зрелое» состояние передающей культуры, осознающей возможности трансфера в презентации во внешнем пространстве своих достижений. Но и в этом случае за принимающей культурой остается прерогатива выбора предмета трансфера и характера его адаптации в соответствии со своими условиями и конъюнктурой потребностей. Однако оптимальному осуществлению трансфера может помешать неточное, а то и невер-

ное понимание разнообразных контекстов, обуславливающих все стороны, участников и этапы трансферных процессов. Это касается и характеристик явления в контекстах его пребывания в исходной культуре, и особенностей передающих механизмов и акторов-посредников, и широкого спектра контекстов принимающей культуры, особенно с учетом неоднородности ее социокультурной среды. Вместе с тем именно отчетливое понимание сложного сфероида контекстов в их функциональном и ценностно-смысловом «прочтении» выступает не просто желательным для более полного представления о содержании трансфера. Контекстуальный подход способен выступить необходимым условием получения наиболее полного социокультурного эффекта, поскольку именно знание и учет контекстов позволяют достичь оптимального уровня раскрытия и использования позитивного потенциала предмета трансфера, избегая в то же время нежелательных последствий. Верификация сформулированных теоретических положений на материалах трансфера восточных боевых искусств и единоборств подтверждает полученные выводы и предполагает возможность их экстраполяции на другие случаи культурного трансфера, разумеется, с учетом специфики их социокультурных контекстов.

Список литературы

1. Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика / Г.-Г. Гадамер // Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. — Москва : Искусство, 1991. — С. 60–71.
2. Гнучих, В. Теория культурного трансфера: методологические и эпистемологические аспекты / В. Гнучих // Метаморфозис. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 16–25.
3. Земсков, В. Б. Образ России в современном мире и другие сюжеты / В. Б. Земсков. — Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, Гнозис, 2015. — 343 с.
4. Ионов, И. Н. Идея цивилизации в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории / И. Н. Ионов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — 2012. — Вып. 40. — С. 27–50.
5. Ионов, И. Н. Теория культурного трансфера Мишеля Эспаня и трансдисциплинарный анализ цивилизационных представлений / И. Н. Ионов // Общественные науки и современность. — 2020. — № 1. — С. 148–163.
6. Козлов, А. М. Начало распространения и развития восточных боевых искусств в Европе и мире / А. М. Козлов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — № 1 (129). — С. 136–140.
7. Комлев, А. Р. Боевые искусства Востока. Православный взгляд / А. Р. Комлев. — Мо-

- сква : Русский Хронографъ, 2000. — URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/komlev_0.pdf (дата обращения: 28.02.2026)
8. Куланов, А. Е. Роль боевых искусств в формировании имиджа Японии в России / А. Е. Куланов // Ежегодник Япония. — 2006. — Т. 35. — С. 128–142.
 9. Ли, Ц. Древние и средневековые культурологические основания и современные тенденции спортизации боевых искусств и военно-прикладных единоборств / Ц. Ли, А. А. Передельский // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/11KLSK223.pdf> (дата обращения: 28.02.2026).
 10. Лобачёва, Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий / Д. В. Лобачёва // Вестник ТГПУ. — 2010. — № 8 (98). — С. 23–27.
 11. Никонов, В. Р. А. Комлев. Боевые искусства востока. Анализ / В. Никонов // Стихи.ру. — URL: <https://stihi.ru/2020/03/15/8405> (дата обращения: 28.02.2026).
 12. Селиванов, О. И. Спортивно-боевые единоборства в современной культуре: проблема соотношения традиции и новации / О. И. Селиванов // Дискуссия. — 2015. — № 5 (57). — С. 96–102.
 13. Сокоиков, С. С. О типах контекстов в культурологических исследованиях / С. С. Сокоиков // Культура — искусство — образование : материалы 46-й науч.-практ. конф. — Челябинск : ЧГИК, 2025. — С. 125–131.
 14. Сокоиков, С. С. Поликонтекстуальный подход в транзитивной методологии исследований культуры / С. С. Сокоиков, Л. Б. Зубанова, Н. В. Долдо // Пятый Санкт-Петербургский международный культурологический симпозиум «Культурология в пространстве гуманитарного знания». — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2025. — С. 82–85.
 15. Эспань, М. История цивилизаций как культурный трансфер / М. Эспань. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 811 с.
 16. Lusebrink, H.-J. Interkulturelle Kommunikation: Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer. — Stuttgart/Weimar : Verlag J. B. Metzler, 2005. — S. 221.
 17. Middell, M. Kulturtransfer, Transferts culturels // Docupedia-Zeitgeschichte, 28.01.2016. URL: http://docupedia.de/zg/middell_kulturtransfer_v1_de_2016 (дата обращения: 28.02.2026).
 18. Mitterbauer, H. Kulturtransfer — ein vielschichtiges Beziehungsgeflecht. Newsletter Moderne, Spezialforschungsbereich Moderne. — Wien und Zentraleuropa um 1900, Heft 1, Graz 1999. — S. 23–25.

Получено 01.03.2026

References

1. Gadamer G.-G. 1991. Semantics and hermeneutics. *Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of beauty]*. Moscow: Iskusstvo. Pp. 60–71.
2. Gnuchikh V. 2024. Theory of cultural transfer: methodological and epistemological aspects. *Metamorfozis [Metamorphosis]*. Vol. 8, No 3: 16–25.
3. Zemskov V. B. 2015. *Obraz Rossii v sovremennom mire i drugie syuzhety [The image of Russia in the modern world and other subjects]*. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, Gnosis, 343 p.
4. Ionov I. N. 2012. The idea of civilization in Europe of the 19th century in the context of a connected and cross-history. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii [Dialogue with time. The Almanac of Intellectual History]*. Issue 40. Pp. 27–50.
5. Ionov I. N. 2020. Michel Espagne's theory of cultural transfer and transdisciplinary analysis of civilizational representations. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*. No 1: 148–163.
6. Kozlov A. M. 2014. The beginning of the spread and development of oriental martial arts in Eu-

- rope and the world. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities]*. No 1 (129): 136–140.
7. Komlev A. R. Boevye iskusstva Vostoka. Pravoslavnyi vzglyad [Martial arts of the East. The Orthodox view]. Moscow: Russian Chronograph, 2000. Available from: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/komlev_0.pdf (accessed: 28.02.2026).
8. Kulanov A. E. 2006. The role of martial arts in shaping the image of Japan in Russia. *Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*. Vol. 35: 128–142.
9. Li Ts., Peredelsky A. A. 2023. Ancient and medieval cultural foundations and modern trends in the sportization of martial arts and military-applied martial arts. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya [The world of science. Sociology, philology, cultural studies]*. Vol. 14. No 2. Available from: <https://sfk-mn.ru/PDF/11KLSK223.pdf> (accessed: 28.02.2026).
10. Lobacheva D. V. 2010. Cultural transfer: definition, structure, role in the system of literary interactions. *Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]*. No 8 (98): 23–27.
11. Nikonov V. R. A. Komlev. Martial arts of the East. Analysis. *Stikhi.ru [Stihi.ru]*. Available from: <https://stihi.ru/2020/03/15/8405> (accessed: 28.02.2026).
12. Selivanov O. I. 2015. Sports and martial arts in modern culture: the problem of the relationship between tradition and innovation. *Diskussiya [Discussion]*. No 5 (57): 96–102.
13. Sokovikov S. S. 2025. On types of contexts in cultural studies. *Kul'tura — iskusstvo — obrazovanie: materialy 46-i nauch.-prakt. konf. [Culture — art — education: materials of the 46th Scientific and Practical Conference]*. Chelyabinsk: CHGIK. Pp. 125–131.
14. Sokovikov S. S., Zubanova L. B., Doldo N. V. 2025. A polycontextual approach in the transitive methodology of cultural research. Pyatyi Sankt-Peterburgskii mezhdunarodnyi kul'turologicheskii simpozium “Kul'turologiya v prostranstve gumanitarnogo znaniya” [Fifth St. Petersburg International Cultural Symposium “Cultural studies in the space of humanitarian knowledge”. St. Petersburg: St. Petersburg State University]. Pp. 82–85.
15. Espan M. 2018. History of civilizations as a cultural transfer. Moscow: New Literary Review, 811 p.
16. Lusebrink H.-J. 2005. Interkulturelle Kommunikation: Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer. Stuttgart/Weimar: Verlag J. B. Metzler, S. 221.
17. Middell M. 2016. Kulturtransfer, Transfers culturels. Docupedia-Zeitgeschichte. Available from: http://docupedia.de/zg/middell_kulturtransfer_v1_de_2016 (accessed: 28.02.2026).
18. Mitterbauer H. 1999. Kulturtransfer — ein vielschichtiges Beziehungsgeflecht. Newsletter Moderne, Spezialforschungsbereich Moderne. Wien und Zentraleuropa um 1900, Heft 1, Graz S. 23–25.

Received 01.03.2026